

Чтобы развлечь сыночка, я стала задавать ему разные вопросы, выдавая их за головоломки:

— Что такое «реч»?

— Речка — мгновенно среагировал он.

— А «вок»? (Утром я вспомнила ещё один слог, произнесённый незнакомцем).

— Волк, — ни на минуту не задумался Антон.

Скоро у меня появился дополнительный повод для оптимизма (день явно подлизывался ко мне, проявляя свои лучшие качества): моя подруга Варя (я уже как-то упоминала о ней)

преподавала в пединституте; я описала ей по телефону свою ситуацию с судом, и она предложила организовать консультацию с вузовским юрисконсультom — мудрым по-житейски и опытным профессионально человеком, сегодня в обеденный перерыв я должна была поехать на улицу Максима Горького, где располагался административный корпус Педа, и увидеться с ним.

Добираться надо было на троллейбусе; оплатив проезд и устроившись на месте около окна, я автоматически продолжала думать о том, что сказал мне мужчина, которого на

Барбара Рязанцева — член Союза писателей России, член «Русского ПЕН-центра». Автор книг: «Стекланный Дом», «Однажды будет вечер голубой», «Блаженны плачущие», «Бирюльки», «Фиалки в горах», «Не как все», «В пределе извечной печали», «И вы поймёте...» (некоторые из них переведены на иностранные языки) — лауреат литературных премий, стипендиат Президентского гранта за 2020 год. В. Рязанцева относится к редкому типу современных прозаиков, сохраняющих в наше непростое время приверженность классическим традициям русской прозы, стремящимся не развлекать, а побуждать читателя к размышлению о своём месте в мире.

этой земле больше не было: «Возьми деньги себе! Лучше — тебе, чем им! Молись за меня, женщина, — этим отплатишь свой долг!» Я решила, чтобы больше не мучиться, пойти в церковь на третий день после его смерти (а это уже завтра — Боже, как летит время!), спросить Покаянную молитву, прочесть её и поставить свечу за безымянного раба Божьего, скончавшегося в пути, — всё же остальное из головы выкинуть, всё равно мне не разгадать таинственной шарады. Уйдя в свои думы, я чуть не пропустила нужную остановку: «Речной вокзал»! — чётко выговорила кондуктор. — Следующая: «Шестой причал» — конечная...» Это был гром среди ясного неба, я чуть с сиденья не скатилась, так как именно в этот миг бубнила про себя слоги: «реч» и «вок». Заметавшись по салону как испуганный кролик, я выпрыгнула из троллейбуса на ходу, подвернув при этом лодыжку.

Не обращая внимание на боль, встала, как вкопанная, перед зданием Самарского речного вокзала. Я смотрела на него, он — на меня. Знали мы друг друга хорошо: пять лет, будучи студенткой, я проходила мимо в институт, а в прошлое воскресенье (тогда Антоше и продуло ушко) мы плавали с сыночком по Волге на речном трамвайчике.

Это было насмешкой, глумлением, издевательством — впрочем, как и всё в моей жизни.

Забыв о цели моего приезда в эти края, я вошла в зал ожидания, там было немногочленно — речной сезон ещё только начинался. Около касс

вокзала образовалась небольшая очередь — буквально, пять-шесть человек. На неудобных металлических стульях расположились ожидающие: бабульки с тюками, мамыши с детьми на руках, спящие выходцы из Средней Азии.

Автоматические камеры хранения багажа находились в самом конце зала. Меня туда тянуло, словно магнитом. Оглядываясь по сторонам, нет ли вокруг подозрительных лиц, следящих за каждым, кто подходит к багажным камерам, и никого не заметив, я приблизилась к ячейкам: их было ровно двадцать; шестнадцать из них (я несколько раз пересчитала, так как от волнения постоянно сбивалась) были открыты. При мне, заодно продемонстрировав, как это делается, подошёл усатый дядька, затолкал в узкую щёлку-приёмник сторублёвую купюру, набрал четырёхзначное число-шифр, дверца отворилась. Гражданин вытащил потёртый баул и спокойно, не оглядываясь (вот бы мне так суметь!) двинулся к выходу.

«Уходи отсюда, Клара! Хватит дурака валять! Хочешь засветиться, чтобы тебя в отделение отвели, как «мошенницу на доверии»?! У тебя назначена встреча с занятым человеком, что не против тебе помочь — опаздывать нельзя! Если уж не терпится продлить «детектив» — заняться больше нечем — придёшь сюда завтра в то же самое время и попробуешь определиться с ячейкой». «Ага, а сегодня — посланный братвой «правильный пацан», — бубнило моё, перевозбуждённое проис-

ходящим воображение, как видно, нашедшее общий язык с «глубинной интуицией», — узнав, что владелец иномарки преставился, унесёт мои денежки в кожаном портфеле (странно, что я так быстро привыкла к безумной, в общем-то, мысли, считать эти мифические деньги своими — наследством, призванным скомпенсировать горечь моих утрат!) — и удалится такой же вот гордой походкой, как давешний усатый мужичок (может, кстати, это он и был! Хотя вряд ли... Выходить на дело с пышными усами — неразумно: бросаются в глаза. Правда, они вполне могут быть накладными, театральным гримом!) — «Да нет! — высказал своё мнение ещё один «эксперт» внутри меня — моё так называемое «критическое мышление». — Братва гримом не пользуется, действует проще: «Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой...» «Клара, ты сбрендил? — Это уже моё реальное «эго» само у себя спросило: — Ты действительно собираешься вступить в разборку с бандитами?»

В этот момент по громкой связи объявили что-то неразборчивое, и к камерам устремился ещё один «клиент», дородный, похожий на трёхъярусного снеговика, он то и дело вытирал лысину платком. «Нервничает-то как!» — снова заговорил во мне сыщик-кустарь. Дядечка никак не мог затолкать мятую сторублёвку в отверстие, потом, видимо, забыв код, полез в бумажник за запиской, уронил её, долго ползал по полу, чтобы отыскать, извлекая из-под стульев шматки слежавшейся пыли,

наконец, несколько раз промахнувшись, набрал правильный шифр, дверца ячейки раскрылась, гражданин, натужно кряхтя, вытащил из камеры огромную сетку с картофелем и, шепча нецензурные обороты, один другого залихвастей, отбыл в неизвестном направлении.

В хранилище остались две закрытые ячейки: № 4 и № 19. Я закрыла глаза, выставила перед собой руки и, загудев привычное, а потому успокаивающее «АУМ», стала медитировать, прислушиваясь, в какую сторону меня тянет поток «свободной энергии». «Помоги!» — обратилась я мысленно к своему «другу из серебристого автомобиля». («А что, скажете, не друг?! Не я пыталась спасти ему жизнь? Не я плакала, когда сделать этого не удалось? Я что, ради денег суежилась?! Да наследство чужим и не оставляют: раз он так решил, стало быть, ощутил наше душевное родство!» — пыталась я задавить в себе угрызения совести — рудимент русской интеллигентности).

— Женщина, с вами всё в порядке? — прозвучал за спиной чей-то озадаченный голос.

«Засыпалась! — ужаснулась я и, прощепетав: — Нет, нет, то есть, конечно, да!» — прыснула к выходной двери, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, кто это так обеспокоился моим здоровьем, точно зная (не анализируя, откуда), что деньги умершего от инфаркта находятся в ячейке № 19.

Когда, основательно запыхавшись, я влетела на кафедру русского языка и литературы, подруга Варя

впервые за всё время нашей дружбы выбрала меня.

— Феликс Борисович ждал тебя битый час, только что ушёл к себе, у него важная встреча, вот оставил для тебя номер телефона... Как так можно, не понимаю?! — отчитывала она меня. — Я из-за твоего поведения чуть сквозь землю от стыда не провалилась.

Пришлось придумывать историю с аварией троллейбуса, у которого заискрили провода, и салон наполнился дымом. Варвара, ни на мгновение не усомнившись в правдивости поведенного ей, встревожилась, усадила меня в кресло заведующей кафедры, налила чаю, поставила передо мной блюдце с карамельками и сушками, и креманку с джемом — она всегда была такой: доверчивой, отходчивой, жалостливой — дай ей Бог здоровья! Чай я глотнула с усилием, от конфет и варенья отказалась, объяснив, что недомогаю — надышалась гари, да и на работу опаздываю; пообещала позвонить юриконсульту, извиниться и договориться о новой встрече. Мысли мои всё это время были за полкилометра от педагогического института — на речном вокзале.

* * *

Успев к концу рабочего дня (повезло, что Светлана Валентиновна не заметила моего отсутствия, общаясь с коллегами из столицы), я получила в бухгалтерии крошечный аванс («Деньги к деньгам!» — «шаманила» про себя, но мечта о премии разбилась о статистическую аналитику

— музей «не вытянул» какой-то там показатель). Прикупив продукты в супермаркете, я вдруг спонтанно, но твёрдо решила — поехать на речной вокзал сегодня же вечером: или пан, или пропал!

Позвонив Варваре и пожаловавшись на «страшную головную боль после угара» (она тут же стала настаивать, чтобы я ехала в больницу), я попросила её забрать Антоху из сада и оставить у себя на выходные — «попробую отлежаться в тишине, благо, суббота на этой неделе нерабочая!»

Моя подруга жила размеренной жизнью: ни мужа, ни детей, ни даже племянников у неё не было, не случались и авантюрные истории с умиряющими в машине мужчинами (кося сажень в плечах, передававших походя наследство: «Лучше тебе, чем им!», которое необходимо было разыскать после подсказки, типа детской считалки: «Вумба-квили-мили-толи-куманадж, вумба-квили, вумба-ква», спрятать и всю жизнь потом читать Покаянную молитву за «героя», бывшего, скорее всего, участником ОПГ, после чего долг перед ним становился «отбитым») — а потому обрадовалась возможности пообщаться с умным ребёнком, способным декламировать стихи по памяти целый час, обязавшись накормить Антона до отвала и отвести в детскую художественную галерею.

Я была взвинчена до предела: в то, что «акция» состоится — верила, но в успехе её — сильно сомневалась, а потому решила написать нечто вроде конспекта, окрестив его

в духе времени «бизнес-планом», чтобы тщательно продумать каждый нюанс. Пункт 1 был озаглавлен мною «Внешний вид». Одеться надо было — как можно, незаметней. После недолгого раздумья я наметила натянуть старые чёрные джинсы, полуботинки на липучках, чёрную же водолазку, сверху — пресловутый коричневый жакет, дабы после окончания «мероприятия» выбросить его в мусорный контейнер чужой территории — давно пора — и переодеться в ветровку (единственную яркую вещь в моём скромном гардеробе).

Пока я мысленно набрасывала свой портрет, в голову пришла идея: воспользоваться париком (в 70-е они были в моде, и мама как-то купила в комиссионке для себя — стриженный, серый, под седину — у неё самой были дивные каштановые волосы, длинные и густые, но, оказывается, даже красота может наскучить: паричок она носила с удовольствием, пока он не вышел из моды, не был завёрнут в очередную наволочку и благополучно забыт на одной из полок шифоньера, — и вот теперь, вообразите, пригодился!). Никаких чёрных очков вечером — можно спалиться, а вот обычные — без диоптрий — для изменения облика могут подойти (в какой-то коробке я видела такие, надо поискать, ведь так-то я очки не ношу).

Пункт 2 гласил: «Тара». Я не знала, в чём хранились деньги покойного, сколько их было, но, насмотревшись голливудских фильмов, представляла себе строгий кожаный портфель, типа «дипломата», с кодовым зам-

ком. Тащить его домой вряд ли было разумно, а потому стоило прихватить с собой: а) пилочку для ногтей с целью вскрытия замка (тренироваться было не на чем, но результативность этого пункта я отчего-то под вопрос не ставила; б) некую ёмкость (в каждой семье в те времена имелась хотя бы одна клеёнчатая сумка в клетку, другие — в продаже встречались редко, пользовались ими, в основном, «челноки», так как сумки эти обладали двумя неоспоримыми преимуществами: лёгкостью и вместительностью); и, наконец, в) тряпку с антисептиком (у меня в этом качестве выступал разбавленный спирт во флаконе с завинчивающейся крышкой) для уничтожения отпечатков пальцев на предметах методом протирания.

Пункт 3 звучал солидно: «Логистика». Поеду на троллейбусе до «реч. вок.», «сумку-уродину», ветровку, пилочку и пузырёк со спиртом — засуну в пластиковый мешок для мусора, плотно заверну, закреплю резинкой для волос и понесу подмышкой — больше никаких предметов (в случае утери — любой из них превратится в улику!) Ключ от кладовки, деньги на транспорт и другие расходы положу в карманы жакета, они застёгиваются на пуговицы.

Я не сразу придумала, как обозначить 4-й пункт, в голову лезли какие-то уголовные словечки: «налёт», «набег», «гоп-стоп» — даже не знаю, откуда они взялись в моём лексиконе, скорее всего, из уличного шансона, частенько звучащего в такси, или

бульварного чтива, наводнившего в начале перестройки улицы города: на книжных развалах можно было откопать немало «шедевров» про воровскую жизнь, из любопытства я прочла парочку.

В итоге остановилась на нейтральном: «Работа». Итак, я захожу в зал ожидания, осматриваюсь. Вечером народу по идее должно быть немного. Какое-то время сижу тихонько в уголке, после первого же объявления по громкоговорителю спокойно поднимаюсь и походкой, не бросающейся в глаза (надо по-репетировать!), направляюсь к камерам хранения. Подхожу к ячейке № 19, незаметно осматриваюсь; если рядом никого нет, вынимаю из кармана жакета 100 рублей, опускаю в приёмник, набираю код «28 08», вытаскиваю из ячейки портфель. (Ужас! А вдруг там «адская машина», как только я коснусь его — последует взрыв, и всё кругом разлетится в клочья, включая меня?!) Да нет, какой ТОМУ человеку был резон посылать на смерть незнакомую женщину, стремящуюся ему помочь, разве что он доктор Зло или профессор Мориарти? Не надо ничего усложнять и наворачивать! Тут, полагаю, мотив один: напарники несчастного так насолили ему, так изгадили судьбу, что не решавшийся обчистить их и скрыться при жизни «оскорблённый страдалец» отважился на «кидок» перед смертью: предложил обокрасть обидчиков другому, вернее, другой, а сам отправился туда, откуда не возвращаются. Логично? Вполне! Если, несмотря на фанта-

змагоричность мероприятия, всё удастся, покойный наверняка почувствует себя отомщённым.

Отныне я — воровка, со всеми вытекающими... И больше рассусоливать нечего, иначе я спасую — не устою! А без денег, которые мне никто не даст просто так — без унижений, без каторжного труда, без пересечения «красной черты» (что — вдоль шоссе в качестве «придорожной ночной бабочки» стоять — пристойнее? Асфальт класть — легче? Старуху-процентщицу по голове топором ухайдокать — простительней?!). И в скором времени (особенно, если проиграю суд и меня сошлют на край города, где я никого не знаю) я окончательно шизанусь и попаду в психушку, а Антона отправят в детский дом, где он начнёт нюхать клей. Так что хватит рефлексий, пора собираться! А если уж так важна идеологическая платформа, то главный аргумент у меня следующий: сам собой (я в этом ни на грамм не сомневаюсь) столь прихотливый мозаичный узор не сложился бы — кто-то сверху «патронирует» мой вопрос — надоело скулёж слушать! И моя задача — вообразить, что я есмь кто-то типа Деточкина из комедии Эльдара Рязанова, хотя Деточкин себе, по-моему, вообще никаких денег не оставлял, являя пример яркого представителя уже вымершей ныне породы «абсолютных альтруистов» — советский человек, «строитель коммунизма»! А на нашу с Антошей долю выпало — при «диком капитализме» выстоять и совесть сохранить! Так что я представляю себе всё

это так: заберу бандитские деньги, часть оставлю на жизнь, остальное переведу на добрые дела — что-то, по многовековой русской традиции, в монастырь, что-то — в дом малютки...

Я не стала додумывать, чем буду заниматься после того, как вытащу портфель из камеры хранения. Медленно пойду к выходу... Дальше я не загадывала, не хотела перегружать психику, оставила место для манёвра — а то что-то пойдёт не так, я запаникую, брошу поклажу и сбегу, погубив не только свою, но и Антошкину жизнь! Но ещё один вопрос в «бизнес-план» внести было необходимо: где хранить «легендарный дипломат», вернее, его содержимое? Ответ пришёл неожиданно быстро. Когда-то отец по примеру других практичных соседей (мы были в подъезде старожилами, въезжали ещё в совсем новый дом) поставил между этажами, закрыв трубу мусоропровода, железную дверь, образовав таким образом нечто вроде кладовки. Там хранились старые чемоданы с кусочками тканей от сшитых мамочкой платьев, с папиными железками; коробки со старьём, которое «может когда-нибудь пригодиться!» и приснопамятный медведь, назначенный мною «смотрящим»... Каждую весну во время генеральной уборки я злилась на то, что надо мыть ещё и совершенно не нужную мне кладовую, не предполагая, что однажды она сослужит важную службу. Все в подъезде (соседи нередко менялись) давно позабыли, какая коморка и на каком этаже кому принадлежит, так что это

было место, трудное для идентификации (в каждой находилось примерно одно и то же — чемоданы с невесть какой дребеденью и остатки от сделанных ремонтов), замки терялись, двери менялись, ключи же от нашего закутка были все эти годы у меня. Так что пункт 5-й: «Место хранения» — был внесён в план безальтернативно.

Время неслось галопом. Часы показывали 19.45, «дело» я запланировала на 21.00, а сколько всего ещё нужно было собрать! Тетрадные листы с бизнес-планом и пересказом нашей «исторической» беседы с «наследодателем» выбрасывать я не стала, спрятала в юбилейное издание книги Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (вдруг понадобятся!).

Надо было собираться...

В подготовке к «экспедиции» лучше всего задержался в памяти эпизод с примеркой парика. Я ношу короткую стрижку (некогда заниматься укладкой), поэтому натянулся он легко и даже был к лицу, смотрелся естественно, особенно вкупе с очками, но постарела я в нём сразу лет на десять, а то и больше: в зеркало разглядывала себя выжатая как лимон женщина с печальными глазами — не двадцати восьми, а сорока лет — хотя, быть может, дело было не в парике?..

Дорога до речного вокзала запомнилась хуже: людей в троллейбусе вроде бы было немного, но я предпочла стоять на задней площадке, смотреть в окно; деньги за билет передала кондуктору через других пассажиров, та сидела, отвернувшись — мне на руку.

В зале ожидания стоял полумрак — не функционировала половина ламп дневного света — опять удача! Я примостилась на ближайшем к входу в вокзал сиденье (оно было холодным и неудобным), положила свой дурацкий целлофановый мешок на колени, сидела, не шевелясь, — чисто «поповна на именинах», ждала какого-нибудь объявления. Уставясь в грязный пол, уговаривала себя, что скоро вся эта бодяга закончится; смотреть в сторону камер хранения себе не позволяла, боялась встретиться глазами с кем-нибудь из знакомых — это был бы крах! Люди вокруг вставали, уходили, возвращались, некоторые спали, очень плохо пахло. Провела я так с полчаса (громкоговоритель молчал) и почувствовала, что больше не могу: ноги свело, занемел позвоночник. Надо было либо идти к зоне хранения и «работать», либо возвращаться домой — смотреть программе «Взгляд». Поднимаясь со стула, я всё ещё не была уверена, какой из вариантов выберу. По каким причинам мозг, душа или они вместе (кто там всем у нас внутри заправляет?) предпочли номер ячейки; КАК было принято судьбоносное решение; являлось ли оно лично моим или кто-то невидимый витал за моей спиной, подталкивая вглубь зала — не имею представления! Но, простояв, не шелохнувшись, с минуту, я побрела к камерам. Более половины из них были заняты («Молодец, что забежала днём, сориентировалась...» — оживилась я). Приблизившись к ящику № 19, внезапно заколебалась,

вознамерившись начать с ячейки № 4, но та неожиданно оказалась пустой, её дверца была широко открыта. «Они унесли деньги! — просвистело в моей потрясённой рискованными приключениями голове. — Надо было сделать всё днём!»

Руки одеревенели и не желали держать мешок. Я положила его на пол, зажав ботинками. Забыла, что надо делать в первую очередь: набрать шифр или заплатить. На дверце ящика была табличка с инструкцией, но нервозность, плохое освещение и фальшивые очки не давали возможности разобраться. Достала из кармана сто рублей, сложила пополам, стала запихивать в щель — дело не шло: купюра смялась и входить в отверстие не желала. Я вспомнила про пилку (чтобы она не последовала примеру шила, что «в мешке не утаишь», я обмотала её в тряпицу для удаления отпечатков), теперь же вынула из мешка и начала потихоньку проталкивать с её помощью сторублёвку внутрь; та, наконец, провалилась. Косточкой согнутого указательного пальца я набрала код — роковое для меня число — дату «28 08» — «Как же я была счастлива в тот день!» («Прекрати, не смей отвлекаться!» «Ладно, ладно, не буду...» — зазвучал внутри уже привычный диалог меня со мной.) Дверца камеры приоткрылась — я потянула её на себя... В ячейке был не «дипломат», а рыже-коричневый фибровый чемодан, типа тех, что показывают в фильмах о послевоенной жизни. Он был с металлическими уголками, двумя защёлками, попе-

рёк корпуса прикреплены ремни с застёжками — я смотрела на него расширенными от ужаса глазами, боясь прикоснуться.

Сколько я простояла, как истукан, — сказать не могу. Вернулась к реальности, когда проходивший мимо молодой человек (носильщик? воришка? или просто добряк?) задал вопрос с сильным среднеазиатским акцентом:

— Помочь достать чемодан, мамашка, тяжёлый, подь?

— Не-е-ет! — не спокойно, как подобает даме в преклонных годах, а, словно резаный поросёнок, завизжала я.

Не ожидавший такой реакции паренёк мгновенно сгинул, рассеялся в полумраке.

«Разошлась Маланья... Сию минуту успокойся!» — осадила я себя и потянулась к вожделенному чемодану — это была кульминация драматического действия: вот сейчас меня схватит за запястье опер, или за локоть бандюган, или допотопный чемодан взорвётся на глазах, оторвав у меня обе кисти, или окажется собственностью какого-нибудь дяди Васи в вышиванке, а в нём — шматки сала и бутылка с горилкой; а «узбек», или кем там был мой несостоявшийся «помощник», — меня уже запомнил — так я впечатлила его своим неадекватным ором (никакой выдержки — психопатка конченная!) — вот три года за «выпивку с закуской» и получу... Я — на нары, а Антошенька-голубчик — прямиком в подвал, где пацаны на ящике из-под кефира «Солнцедар» распивают.

Я решила немедленно уносить ноги, но дверца ячейки была широко растворена. Моё неадекватное поведение уже наверняка отметили (может, в зале даже видеочамера где-нибудь установлена), меня догонят, сопровождают в транспортную милицию, «престарелый» чемодан будет служить обвинением, его откроют, а там... разномастных рубликов миллионов на пять — воровской «общак», а я его «хранитель» — тут уже не «дяди Васиними» тремя годами попахивает, а пятнадцатую — строгого режима. Мне вдруг захотелось выйти в центр зала ожидания и обратиться к присутствующим:

— Простите меня, люди добрые! Бес попутал... Нужда заела... Трудненько переходить из ранга «русского интеллигента» в разряд сподвижницы «Соньки Золотой Ручки!» Сложный выбор. Помогите удержаться, сохранить честь! — Видно чёрный и белый ангелы за меня в этот момент сражались.

Но я справилась с искушением, от кого бы оно ни исходило. В конце концов, покаяние — это последняя глава «Преступления и наказания», дальше — эпилог, а я должна прожить все «части» своей жизни в правильной последовательности. И может, я, конечно, не за своё дело взялась, но передал-то страдающий от инфаркта человек шифр — мне! А волю покойного в России испокон веков привыкли почитать и исполнять неукоснительно. Я резко дёрнула к себе чемодан. Он был очень тяжёл. «Там не деньги, а либо оружие, либо наркотики!» — вспыхнуло

в моей болезненной голове, но в тот момент мне было всё равно, лишь бы завершить первый акт «марлезонского балета» и исчезнуть из этого промозглого зала навсегда — сердце отчаянно трепыхалось, я опасалась, что оно может лопнуть.

Забыв про чёрный мешок для мусора, сиротливо лежащий в зоне хранения, я поплелась к выходу, схватив за ремни тяжёлый чемодан и волоча его за собой. Я была не в себе — без вариантов — и всё же смогла сообразить, что надо вернуться. Взвалив будто набитый гирями чемодан на ближайшее сиденье, я подобрала мешок с пола, достала из него тряпку и спирт, протёрла не только внешнюю сторону ячейки №19, но и внутренность самого ящика; налила несколько капель спирта на ладони, разыгрывая неврастеничку, опасующуюся инфекций; но восхищаться моим лицедейством было некому, в обозримом пространстве не просматривалась ни одной живой души: ни уборщицы, ни носильщика, ни милиционера, ни того самого «таджика-туркмена».

Завернув пилку в тряпицу, проверив наличие в мешке ветровки и клеёчатой сумки, которая оказалась бесполезной, так как чемодан в неё не вмещался, я туго свернула мешок, натянув на него резинку, и засунула обратно подмышку левой руки, правой же стянула чемодан с сиденья и поволокла его к выходу. Дверь за мной с лязгом захлопнулась. Я сняла реквизитные очки, присела на чемодан (нужна была хотя бы секундная передышка) и не-

ожиданно засмеялась истерическим смехом: «Я СДЕЛАЛА ЭТО!»

На стоянке виднелась лишь одна машина слеваком за рулём. Я не продумала заранее, куда следует ехать «после», но то, что по направлению к дому, выглядело очевидным: долго нести такую тяжесть с моей растянутой лодыжкой и затёкшей рукой было нереально. Спросила водителя, сколько будет стоить добраться до площади Сельского хозяйства (это был уединённый скверик недалеко от моего дома, где спрятавшись в кустах на лавочке для влюблённых, можно было открыть чемодан и решить, бросить его там вместе с содержимым, или бережно переложить находку в клетчатую сумку. Таксист равнодушно ответил:

— Рубль.

— Вы шутите?

— Какие шутки, мадам? Косарь — и точка.

— Я вас не понимаю, — меня окутала дурнота, я едва держала чемодан на весу.

— Ты че, Люба, сверзилась с дуба? — с ненавистью пробурчал он. — Че тут непонятного? Тыщу стоит.

Я поставила свою неподъёмную ношу на асфальт, расстегнула пуговку на кармане жакета, вытащила всю имеющуюся там наличность. Пересчитала — восемьсот пятьдесят рублей: «Почему не взяла больше, жалкая скряга, от аванса же ещё оставалось? Вечная экономия, а скупой, как известно, платит дважды!» Водитель наблюдал за моими манипуляциями с брезгливой гримасой на заросшей щетиной физиономии.

— А можно где-нибудь остановиться, чуть не доезжая до места, у меня, простите, немного не хватает.

Он ругнулся.

— Может, тогда пешком доплюхашь?! Я из-за тебя выгодного клиента потеряю.

— Христом Богом прошу! — решила я унижаться столько, сколько понадобится, дабы убедить бомбилу. — Век за вас молиться буду! — (После этой фразы выражение лица мужчины изменилось.) — Вы не позволите положить мой багаж на заднее сиденье, у меня там хрупкие вещи?! — бормотала я, видя, что он сдаётся.

— Ещё бы комод засунула! — ворчал водитель, пока я, хрипя от натуги, заталкивала чемодан внутрь. В этот момент я вспомнила, что не поменяла коричневый жакет на яркую ветровку, чтобы сбить с толку тех, кто в дальнейшем пойдёт по моему следу, ну и хрен с ним! Мешок я по-прежнему держала под мышкой, каждое движение давалось с болью — страшно затекла шея.

— Ты с той стороны речки, что ли? — наблюдая за моими усилиями, смягчился таксист. — У меня там дядька в селе Рождествено живёт — Пётр Егорыч Куняев — знаешь, поди?.. И ещё один кореш на Проране — Витек...

— Не-е-ет, — замотала я головой: говорить не хотелось совсем, силы были на исходе.

— Вы там до сих пор свои посёлки зовёте: «Сан-де-Проран» и «Рио-де-Рождествено»? — громко захотел левак, и мне показалось, меня сейчас стошнит. Я приоткрыла окон-

ное стекло и приготовилась мучиться дальше.

Автомобиль остановился.

— Так ведь ещё три квартала! — испугалась я.

— Всё по тарифу, давай выходи, Фрося Бурлакова! — к таксисту вернулось его мизантропическое состояние.

— Может, ещё немножко вперёд проедете, самую капелюшечную чуточку?! — жалобно канючила я. — У меня тяжёлый груз. Там книжечки...

— То хрусталь у неё, то книги, а сама, поди, бутылки со спиртом натолкала, — водитель снова загоготал: удивительно, как резко у него менялось настроение, впрочем, я сама недавно, сидя на чужом чемодане, хохотала вместо того, чтобы рыдать. — Ладно, не забудь дядьке привет от Моти передать!

— Обязательно... — меня мутило и очень хотелось в туалет.

Изменчивый, как погода в Англии, Мотя подвёз меня почти до самого сквера — надо было только перейти дорогу, и к моему величайшему изумлению, даже вышел из машины, чтобы помочь стянуть с сиденья чемодан.

— Тяжёлый, чёрт, и где ты такой рухлядью разжилась: из музея сляздила или на чердаке нашла? Ладно... привет Шишкину! — сострил он в последний раз, машина дёрнулась и скрылась за поворотом.

Я стояла на пустынной улице и теперь уже, как и собиралась с самого начала, плакала — не от осознания, что совершила кражу чужого имущества, не от страха расплаты — в тот

момент я думала о другом: я прочла тысячи книг, знала наизусть три сотни стихов, бегло говорила по-английски, чуть хуже — по-французски, читала по-немецки, а для этого человека осталась в памяти «Любой с дуба», оттого что одета в старомодный жакет, чемодан у меня — времён Великой Отечественной, а подмышкой — мешок для мусора. «Ненавижу бедность! Не принимаю!» — заливалась я слезами как скаженная.

Перейдя, наконец, дорогу, остановилась возле входа в сквер, там были ступеньки, и втащить на них чемодан, ударявший меня при каждом новом шаге железным уголком по ноге или бедру, казалось невыносимым. Но может, это и есть Испытание, которое непременно нужно пройти, чтобы достигнуть Желанного — я не про синяки на ногах, не про унижения от всяких остолопов, я — про привычку доходить до конца, чего бы это ни стоило. «Если я хочу выскочить из нищеты, я должна быть энергичной, сильной, циничной и злой!» — вспомнились мне мои ночные думы незадолго до истории с «инфарктом и наследством». — Неужто уже тогда было предreshено то, что случится в ближайшие дни, неужели я сама всё это мысленно сконструировала и материализовала — как скульптор идею в камне? Невероятно! Подняв своё «сокровище», я потащила дальше.

Сквер был тёмный, тих и пуст: «Может, влюблённые при годовой инфляции в 600 процентов и вовсе перевелись?», — ко мне возвращалось чувство юмора — это был хоро-

ший знак. Заняв знакомую скамейку, положив на неё мешок, поставив чемодан рядом, я подумала, что, был бы фонарик, ручка и листок, я бы снова принялась составлять «бизнес-план» — удачно, что их со мной нет... Зайдя в заросли сирени, начав на стыдливость (ещё недавно я и помыслить о такой фривольности не посмела бы — терпела бы до обморочного состояния!) присела и пописала на травку — сразу стало легче. Потом стащила с себя мерзкую жакетку — знак собственной ничтожности — завернула её в мешок для мусора (он уже в нескольких местах порвался), нашла невдалеке урну, затолкала жакет на самое её дно, протёрла лицо и руки спиртом, надела ветровку, расправила клетчатую сумку, положила чемодан на землю, расстегнула без всяких усилий застёжки на ремнях; была уверена, что защёлки заперты на ключ и мне придётся долго ковыряться в них пилкой для ногтей (я не раз видела подобное в кино), но и они неожиданно легко поддались: наступило «время икс».

Не дерзая приподнять крышку, я смотрела на звёзды, прикидывая, знают ли они, что находится в кофре (это слово мне всегда нравилось больше, чем простецко-громоздкое «чемодан»: звучало благообразней, с французским душком). Внезапно я почувствовала, что не хочу этого знать, что будет правильней, пока не поздно, вернуться к моей обычной жизни — не так уж она плоха, если вырезать из неё несколько эпизодов. Но слабость была недолгой: бросив

чемодан в зарослях сирени, не взглянув на его начинку хоть одним глазком, я никогда не прощу себе того, что МОГЛА попытаться изменить линию судьбы, да сдрейфила.

Откинув крышку «сундука с кладом» стремительным движением руки, наткнувшись на тонкую металлическую пластину, я решительно вытащила её; под ней оказалась целлофановая плёнка в несколько слоёв, призванная, как я поняла, охранять содержимое от влаги; отбросив её прочь, я оторопело смотрела на представившееся взору: в чемодане были — не деньги, вернее, деньги, но не те, что я ожидала увидеть. Моё воображение рисовало скомканные разноцветные рублёвые банкноты разного достоинства, которые я собиралась всю ночь дома сортировать и разглаживать, прежде чем перетянуть их банковскими резинками (выпросила у Лары) и спрятать на долгие времена в кладовой, а тут лежали запечатанные казначейским способом ровные ряды пачек с купюрами зеленоватого цвета, с изображением головы какого-то деятеля в центре, парой печатей по бокам и крупной цифрой «100» по углам. Я, конечно же, узнала их, хотя прежде не видела вживую, — это были доллары США.

Я захлопнула чемодан. Первая мысль: высыпать пачки в расставленные по периметру сквера площадки Сельского хозяйства урны и поджечь — я прекрасно помнила, что происходило с валютчиками совсем недавно — их расстреливали. По-свойски обращались с зарубеж-

ными деньгами одни дипломаты и девицы лёгкого поведения в столице, их, по слухам, поставляли иностранцам, чтобы затянуть в ловушку, сотрудники КГБ. Я смотрела немало шпионских лент отечественного разлива, фильм «Интердевочка», где сочувствовала исключительно матери главной героини: узнать, что твоя дочь валютная проститутка — кто такое переживёт?! Но потом я припомнила, что Лариса уверяла, будто новые времена принесли большие перемены, их банк получил лицензию на работу с валютой, и скоро любому гражданину будет разрешено (не могу себе это представить!) спокойно менять рубли на доллары и покупать на них не только вещи в магазинах «Берёзка», но и билеты за рубеж, а уж там можно приобрести всё, что душенька пожелает.

Невдалеке послышались голоса. Я начала лихорадочно укладывать в чемодан пластину, разглаживать сверху плёнку, запирать защёлки, закреплять застёжки на ремнях. Мимо прошла молодая пара: юноша в майке с изображением группы «Megadeth» обнимал за плечи девушку с длинными чёрными волосами и татуировкой на предплечье (о, времена, о, нравы!). Увидев, что около скамейки, укромно скрытой от любопытных взглядов, возится какая-то седая тётенька в очках (я вернула их на нос — некуда было девать), они разочарованно направились к лавочке под фонарём.

А я, так и не поняв, улыбнулась мне, наконец, Удача или же я нат-

кнулась на «бомбу замедленного действия», что, пусть не буквально — фигурально — (так как теперь мною будут заниматься не только бандиты, но и доблестные органы) «взорвёт» мою жизнь, — на всякий случай протёрла поверхность скамьи спиртом, пересчитала взятые с собой вещицы: жакет и мешок — в урне, куртка на мне, рубли потрачены, спирт и пилка — здесь: надо положить в клеёнчатую сумку — пригодятся. Доллары, как видно, придётся пересыпать прямо в кладовке. Куда деть сам чемодан и железную пластину — придумаю дома: сейчас от перенапряжения в голове сплошной туман! Единственное, что подсказывало мне внутреннее чутьё, надо срочно покинуть это место: влюблённая парочка недовольно пялилась в мою сторону, к тому же в сквер мог в любой момент нагрянуть милицейский патруль и поинтересоваться, что я делаю в кустах в столь позднее время (я понятия не имела, который час: двенадцать ночи или

три утра). «Вставай и иди!» — приказала я себе.

Я встала и, шатаюсь (ноги то и дело подламывались), заковыляла к выходу, размышляя, как это гангстеры в голливудских фильмах, помахивая портфельчиками с миллионом долларов внутри, так легко, играючи, забрасывают их в машину. По мне, так мой «кофр» с «баксами» (я вспомнила ещё одно модное словечко) весит центнер — не меньше!

— Прикинь, а тётка-то пьяная в уматень! Ноги заплетаются, качается, как лодочки в Струкачах, наверняка бутылку «Столичной» в кустах уговорила, — услышала я за спиной голос парня, нетерпеливо тянувшего свою подружку к освобождённой мною скамейке.

Я не оглянулась, чтобы одёрнуть его, более того — почувствовала благодарность к юному хаму за то, что дал мне возможность испить чашу мук и унижений этого дня до дна; в это мгновение я шестым чувством ощутила: ВСЁ СЛОЖИТСЯ.